

ПРЕДАТЕЛЬ БЕЛОЙ СЕКТЫ

18+

Allen Antarex

Allen Antarex

Предатель белой секты

«Автор»

2026

Antarex A.

Предатель белой секты / А. Antarex — «Автор», 2026

Кайл был учеником секты Белых Облаков — талантливым магом, верным своему учителю и уверенным в правоте светлого пути. Во время охоты на раненого чернокнижника его отряд был уничтожен, а сам Кайл попал в плен. Годы спустя он станет другим. С тёмным ядром маны. С надеждой, которой не суждено сбыться. С правдой, в которую никто не захочет поверить. Кайл не считал себя предателем. Но секта Белых Облаков уже вынесла приговор. Тёмное фэнтези на стыке восточной эстетики сект, техник, культивации и западной мрачной трагедии.

© Antarex A., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Предатель белой секты

Глава 1

Кайл сидел в кустах можжевельника и вглядывался в склон горы Унгар, из-за которой поднималось утреннее солнце. Сердце беспокойно колотилось под рёбрами. Колючий кустарник впивался в одежду, царапал шею и запястья, но он не двигался. Это была лучшая точка на холме. Отсюда открывался обзор на ближайшую округу: зелёные склоны, тёмные пятна леса, узкую тропу между камней. Где-то там скрывался чернокнижник Торвок, который украл важный артефакт. Поиски продолжались уже третий день, и периметр вокруг горы постепенно сокращался.

Старейшины секты Белых Облаков ранили его и заставили отступить, но Кайл не обманывал себя. Торвок был магом третьего уровня и мастером ближнего боя, который уже создал магическое тело. Даже серьёзно раненый, он оставался для них смертельно опасен. Приказ секты был прост: найти след, подать сигнал и избежать боя. *Избежать боя*, — Кайл повторял это про себя, будто молитву.

Рядом с ним стояла Мэри. Её слишком частое дыхание выдавало страх. Кайл ощущал его. И от этого его собственное сердце билось ещё быстрее.

Он использовал специальное заклинание кровавого поиска. Оно позволяло определить, было ли в радиусе одного километра раненое существо: человек, зверь или кто-то иной. Техника не была надёжной: на неё влияло направление ветра, свежесть крови и плотность леса. Её легко было запутать, но по дальности она превосходила всё, что было в распоряжении отряда. Поэтому он не был уверен, что это Торвок, но рисковать не стоило. Отряд спрятался. На разведку отправились Райт и Керген.

Прошло уже больше получаса, а они всё не возвращались. Кайл волновался всё сильнее. Он отвечал за небольшой отряд из пяти человек: троих братьев по секте и двух сестёр.

Внезапно послышался шорох. Мэри схватилась за рукоять клинка, висящего у неё на бедре, но Кайл непроизвольно положил свою руку на её, чтобы остановить.

— Это Райт, — тихо сказал он.

Мэри выдохнула и чуть осела. Он чувствовал её страх, дрожание её тёплой руки. На миг она показалась ему хрупкой птицей, которую хочется обнять и спрятать от всего мира. Он отбросил эту мысль. Миссия была важнее. Из кустов показались разведчики.

— Райт, как обстановка? — спросил Кайл.

— Мы нашли краснобокого медведя, — сказал Райт. — Он был убит.

Кайл напрягся. Их отряду было бы непросто справиться с таким сильным зверем.

— Думаешь, это Торвок?

— Не исключено.

Ситуация становилась опаснее. Если медведя убил Торвок, значит, у чернокнижника оставалось ещё много сил. Найти его было бы большой заслугой для секты, но вместе с тем — смертельной угрозой. Нужно было действовать максимально осторожно.

— Вы обследовали труп? — спросил Кайл.

Райт кивнул.

— Тело уже остыло. Убийца мог уйти довольно далеко.

Кайл внимательно выслушал его и задумался. К ним подошла Эльна, вторая сестра из его отряда. Обычно она держалась уверенно, но сейчас её губы были сжаты, а взгляд то и дело уходил к склонам горы.

— Может, позовём подмогу? — спросила она.

Кайл покачал головой.

— Пока рано.

— Кайл, — Эльна понизила голос, — если это Торвок, мы не справимся.

Эти слова прозвучали слишком честно. Остальные смотрели на него. Даже Берн, который обычно улыбался в любой опасности, теперь молчал. Кайл почувствовал тяжесть этих взглядов. Они ждали решения. И он должен был его принять.

— Звать понапрасну — значит отвлекать и без того сильно растянутые силы поиска, — сказал он твёрже, чем чувствовал. — Пока мы не уверены на сто процентов, что Торвок поблизости или прямо перед нами, мы не должны снимать людей с других направлений.

Эльна хотела что-то ответить, но сдержалась. Кайл увидел это.

— Движемся дальше, — скомандовал он. — Осторожно.

Они двинулись. В небе поднималось солнце и било прямо в глаза. Почему-то в лесу было слишком тихо: ни щебета птиц, ни шелеста листвы. Казалось, лес замер в предвкушении чего-то страшного.

Отряд прошёл небольшую долину и начал подниматься всё выше. Гора Унгар встречала их каменными уступами, соснами и волнами зелёных склонов. На высоких камнях попадались кривые кустарники, изогнутые сильными ветрами.

Райт, как самый опытный разведчик, двигался впереди. Они обогнули большой валун, когда раздался резкий свист. Кайл не успел понять, что это, как впереди послышался короткий вскрик Райта. Чёрная стрела пронзила его насквозь. Блестящий острый наконечник показался прямо из его спины. Зелёная камуфляжная ткань в тот же миг начала темнеть. Раздался хрип.

На мгновение Кайл потерял самообладание. Мэри дёрнула его в сторону. Если бы не она, он умер бы там же. Стрела вонзилась ему в плечо, пробив ткань и кожу. Боль вспыхнула горячей волной. Мэри спасла ему жизнь. Он выхватил защитный амулет. Небольшая прозрачная голубая сфера закрыла оставшихся в живых товарищей. Тут же ударила ещё одна стрела. С тяжёлым звоном она отскочила от защитного барьера.

Мысли, испуг, страх — всё смешалось в его голове. Он знал: амулет не продержится долго. Кайл вспомнил недавно пройденный валун, повернулся назад и кинулся к нему. Остальные последовали за ним. Надо было понять, откуда стреляют. Надо было подать сигнал.

Через несколько долгих мгновений они наконец оказались за валуном. Он слышал тяжёлое дыхание — своё и товарищей. Защитный барьер спал. Новых атак не последовало. И тогда раздался сиплый голос:

— Что, непослушные детишки? Пришли за стариком?

Это точно был Торвок. Кайл понял это сразу. Керген уже готовил сигнальный артефакт. Он активировал его с помощью простой печати, и яркий луч света выстрелил вверх, разорвавшись в небе россыпью искр. Сигнал для других отрядов секты. Подмога скоро должна была прибыть. *Надо только продержаться*, — эта мысль крутилась в голове снова и снова.

Он осторожно выглянул из-за валуна. Там лежало только тело мёртвого Райта. Сердце дрогнуло. Это была первая смерть товарища, которую он видел. *А ведь я мог оказаться на его месте*. Торвока нигде не было видно. Он атаковал скрытно, издалека.

Из описания, данного сектой, Торвок был тяжело ранен. В свои 24 года Кайл уже создал ядро маны и три кольца. Третье кольцо он создал сам — и именно это сделало его третьим талантом поколения. Прежде в нём жила уверенность в собственной силе, умениях и в том, что он как командир уже вырос до заданий подобного уровня. Его подбодрил и учитель: *«Если будешь осторожен, то никто не погибнет. Я верю в тебя, мой ученик»*.

Но мгновенная смерть Райта показала, что в оценке секты были серьёзные пробелы. Уверенность, с которой Кайл поднялся на склон, исчезла. Остался только холодный ком в животе.

— Что нам делать? — спросила Мэри дрожащим голосом.

— Не умереть, — ответил Кайл.

Торвок был не тем, с кем они могли справиться. И в следующий миг раздался взрыв. Сильный. Мощный. Каменный валун высотой в три метра, казавшийся надёжной защитой, разлетелся вдребезги. Огромный осколок ударил Кайла в спину. Его отбросило на несколько метров. Он потерял сознание.

Очнувшись, Кайл понял, что лежит лицом в холодной траве, покрытой утренней росой. Спину резала острая боль. Простреленное плечо ныло. Правая нога онемела и не шевелилась. С трудом он перевернулся на спину. Торчащий наконечник стрелы упёрся в землю, и она сдвинулась назад. Кайл вскрикнул и чуть снова не потерял сознание от боли.

Рядом было дерево. С трудом он подтянулся к нему и опёрся спиной о ствол. А потом увидел своих товарищей. Сердце болезненно сжалось. Керген был разорван в клочья. Эльна лежала неподалёку, неестественно вывернув руку. Берна отбросило к другому массивному валуну. Мэри лежала дальше всех, у края склона, будто взрыв специально унёс её от остальных.

Кайл смотрел на них и вдруг вспомнил голос Эльны: *«Если это Торвок, мы не справимся»*. Она была права. Она была права, а я не послушал. И тогда Кайл увидел его. Человека в чёрном, оборванном балахоне. Торвок. Обрубок левой руки, покрытый засохшей кровью, виднелся сквозь изодранный рукав. Грязные седые волосы торчали из-под капюшона. Левый глаз был заплавленным. На его лице застыла улыбка.

— Доигрались, детишки, — сказал он.

Торвок подошёл к Мэри. Она была жива. Кайл увидел, как дрогнули её пальцы. Губы беззвучно двинулись. Она попыталась произнести что-то. Может быть, его имя. Острый кинжал блеснул в лучах утреннего солнца. Кайл сжал кулак. Мэри была милой, приветливой, голубоглазой. С чёрными, как ночь, волосами, светлой кожей, ровными чертами лица и небольшим носиком. Возможно, он даже был немного влюблён в неё.

Он вспомнил, как она впервые пришла на тренировочную площадку секты. Тогда им было по шесть лет, и она, сжав кулаки, заявила, что однажды обгонит его. Он засмеялся. Она ударила его деревянным мечом по лбу. Потом они тренировались вместе годами. Падали в одну и ту же пыль. Делили наказания. Спорили из-за техник. Она всегда злилась, когда он называл её пятой по таланту, и каждый раз отвечала: *«Пока пятой»*.

У неё уже было два кольца на ядре маны. Она должна была создать третье. Должна была догнать его по кольцам. Должна была жить. И от этого боль стала невыносимой, когда Торвок замахнулся и полоснул её по шее. Яркая кровь хлынула на её тело. У Кайла выступила слеза. Она умерла бесславно, умерла раньше него.

Торвок повернулся. И улыбнулся. Улыбкой смерти. А затем зашагал к нему. Кайл понял: он следующий. Нужно было что-то предпринять. Он попытался встать, но не смог. Нога была сломана. Тело почти не слушалось. Тогда он начал складывать печать техники, которую лучше всего знал, которой его научил учитель.

Клинок ветра вырвался из его ладони и понёсся к Торвоку. Но чернокнижник лёгким движением кинжала ударил навстречу алой дугой. Она легко уничтожила клинок ветра и полетела дальше. Кайл едва успел наклониться вбок. Алая дуга ударила в ствол дерева, о который он только что упирался, и прорезала его насквозь. Против такого противника у него не было шансов. *Я останусь здесь. Лягу рядом с товарищами. Паду от рук этого мерзкого, проклятого тёмного мага.*

Но вдруг раздался громогласный голос:

— Не смей, Торвок!

Кайл вздрогнул и выдохнул с небольшим облегчением. Он узнал этот голос. *Учитель Фэнг. Он спасёт нас.*

Из-за вершин сосен показалась небольшая деревянная лодка, под которой клубились белые облака — техника полёта секты. Фэнг гордо стоял в голубом халате, чуть полноватый, с округлыми формами лица, тёмно-коричневые волосы были заплетены в косу до талии. Ему

было почти 70 лет, но выглядел он чуть за 40. Его небольшие глаза бегали из стороны в сторону, быстро оценивая ситуацию.

Мастер Фэнг сделал жест рукой и лодка стремительно понесла его вниз. Торвок не стал ждать. Кинжал, которым он только что перерезал горло Мэри, взлетел вверх. Торвок одной рукой начал складывать печати. Быстро. Чётко. Слишком уверенно для мага, который должен был быть на грани смерти. В воздухе запахло кровью — густо, тяжело, с металлическим привкусом. Кайл увидел, как тонкие алые струи потянулись от тел его товарищей к кинжалу. От Райта. От Кергена. От Эльны. От Берна. От Мэри. Кинжал жадно впитывал их кровь и рос. *Все они были мертвы.*

Фэнг нахмурился.

— Кровавая жертвенная техника — тихо произнёс он.

Кинжал продолжал расти, пока не вытянулся почти до пяти метров, став кроваво-красным. На лезвии засветились яркие сгилы. Фэнг в ответ использовал технику туманного копья. Сначала появился белый туман, он стал скручиваться, уплотняться. Появилось древко, затем наконечник. Над лодкой зависло огромное белое копьё. Кайл задержал дыхание. *Учитель сильнее. Он справится.*

Фэнг махнул рукой. Белое копьё сорвалось вперёд. Кровавый кинжал рванул ему навстречу. Два величественных орудия войны двигались навстречу друг другу. Казалось, время замедлилось, всё замерло. А затем они столкнулись. Раздался грохот. Волна от столкновения ударила в лицо. Результат был ясен не сразу, но вскоре Кайл нахмурился: раздался треск, один, второй, и белое копьё рассыпалось клочьями тумана. Кинжал полетел дальше. Лицо Фэнга изменилось, он начал отступать. На лодке он нырнул в лес, а кровавый кинжал за ним. *Учитель убегает?* — мелькнуло страшное сомнение.

Кайл не видел, что было дальше. Он лишь слышал грохот сражения, который продолжался минут пять. Затем кинжал вернулся, приняв свой нормальный вид. А из леса на лодке вынырнул Фэнг. Кайл выдохнул. Учитель был жив. Но нос лодки был разбит. Правое плечо Фэнга было рассечено, с рукава капала кровь. На лице мастера застыла злость. *Нет. Вот я дурак. Учитель воин, а не трус. Он всегда учил биться за правое дело, не отступать перед тьмой.*

Торвок достал странную чёрную маску. Маска была гладкой, без глазниц, без рта. Он надел её на лицо. Чёрный дым начал клубиться над полем боя. Слишком неприятное чувство пробежало по телу, волоски встали дыбом. Внутри, вокруг ядра маны, что-то болезненно сжалось. Кайлу показалось, что Фэнг взглянул вниз, на него. Разглядеть его лица с такого расстояния он не мог, но видел главное: Фэнг больше не атаковал. Лодка дрогнула, развернулась и стремительно понеслась прочь. *Учитель, нет.* Торвок захрипел от смеха.

— Беги, Фэнг! Беги, как тогда!

Он сорвал маску с лица, закашлялся и рухнул на землю, тяжело хватая ртом воздух. Кайл похолодел. Лодка Фэнга скрылась за соснами.

Сначала в груди не осталось ничего, кроме пустоты. Потом пришла мысль. Холодная. Упрямая. Единственная, за которую можно было ухватиться. *Торвоку всё равно не сбежать.* Учитель приведёт подмогу. Сигнальный артефакт сработал. Другие отряды уже должны были двигаться сюда. Старейшины секты заметят вспышку. Они найдут следы боя, кровь, разрушенный склон. *Они умерли не зря.*

Торвок был истощён. Его дыхание рвалось из груди хрипами. Он стоял на коленях, одной рукой упираясь в землю, и с трудом держал голову поднятой. Чёрная маска лежала рядом с ним в траве, уже не такая страшная, как мгновение назад. Просто гладкий кусок тёмного материала, от которого всё ещё тянуло холодом.

— Ты не уйдёшь, — вырвалось у Кайла.

Но Торвок вдруг засмеялся. Снова. Тихо. Сипло. Так, будто смех царапал ему горло изнутри.

— Думаешь всё кончено, мальчик?

Кайл не ответил. Торвок поднялся медленно, с трудом, покачиваясь. Его оставшаяся рука дрожала. На губах было кровь. Но в единственном открытом глазу всё ещё горело что-то мерзкое, живое и злое. Он подошёл к месту, где трава была выжжена взрывом, и провёл ладонью по земле. Он провёл кинжалом линию. Одну. Вторую. Третью. Кайл нахмурился. Торвок чертил какую-то формацию.

Пять длинных лучей расходились от центра. Потом Торвок начал соединять их между собой, замыкая края в пятиконечную звезду. *Какую подлую вещь он ещё готовит?*

Торвок пошёл к телу Райта. Кайл дёрнулся, но сломанная нога тут же вспыхнула болью. Из горла вырвался хрип.

— Не трогай его

Торвок даже не посмотрел в его сторону. Он схватил Райта за ворот и потащил по траве. Голова мёртвого разведчика безвольно моталась из стороны в сторону. Чёрная стрела всё ещё торчала из его спины. Торвок дотащил тело до одного из концов формации и бросил там.

Потом он подошёл к Кергену. Кайл смотрел, как человек, с которым он ещё утром обсуждал маршрут, теперь оставляет за собой мокрый тёмный след. Смотрел, как Торвок безразлично тащил его к следующему лучу формации. Такая же участь ждала Эльну, Берна, Мэри.

Когда Торвок поднял Мэри, у Кайла внутри что-то сломалось.

— Оставь её! — закричал он. Голос сорвался. — Оставь!

Торвок остановился и повернул к нему лицо.

— Они уже не слышат тебя, мальчик.

Он положил Мэри у последнего луча. Пять тел. Пять концов кровавой звезды. Кайл дрожал. Не от холода. От бессилия. От злости.

Торвок вернулся к центру формации и начал шептать. Слова были чужими, низкими. Линии формации тускло вспыхнули. Кайл почувствовал, как воздух вокруг стал тяжелее.

— Что тебе надо, мерзкий подонок?! — выкрикнул он.

Торвок поднял взгляд.

— От тебя? — переспросил он хрипло. — Немного. Проход надо оплатить.

Он зашагал в его сторону. Кайл попытался сложить печать, но пальцы дрожали, а мана в каналах рвалась и путалась от боли. Торвок наступил ему на запястье. Кость хрустнула. Кайл закричал.

— Тише, — сказал Торвок.

Кинжал поднялся. Кайл понял, что сейчас произойдёт, на миг раньше удара. Он зажмурил глаза в страхе. Лезвие опустилось. Он выгнулся, захлёбываясь криком. Мир рассыпался на обрывки: трава, небо, лицо Торвока, собственная кровь, тёмная земля, снова небо. Чернокнижник бросил его отсечённую кисть в центр формации. Кровавые линии вспыхнули. Торвок продолжил читать заклинание. На этот раз слова были громче. Формация начала оживать. Линии зашевелились, будто под травой проснулись тонкие красные черви. Тела на концах формации дрогнули. Кайл замер.

— Нет — прошептал он.

Плоть начала течь. Не гореть. Не рассыпаться прахом. Именно течь, будто смерть размягчила кости и кожу, превратив людей в грязную массу. Тела его товарищей медленно проседали внутрь себя. Одежда проваливалась в размягчённую плоть. Волосы липли к крови. Пальцы сгибались и разгибались, хотя в них уже не было жизни.

Запах ударил так резко, что Кайла вырвало: кровь, гниль, сожжённая кожа и тяжёлая сладость раздавленной плоти. Масса поползла по линиям формации к центру. От каждого луча

тянулась своя живая, красная дорожка. Всё, что ещё недавно было его товарищами, стекало к его отсечённой кисти.

Кайл пытался закрыть глаза, но не мог. В центре формации плоть собралась в один ком. Он вздулся. Дрогнул. На его поверхности открылись глаза. Десятки глаз. Одни были мутными. Другие — налитыми кровью. Некоторые моргали слишком быстро, будто не понимали, почему снова видят свет.

А потом раздались крики. Голоса Райта, Кергена, Эльны, Берна. Мэри. Они кричали не словами. Кричали болью, которую уже не должен был кто-либо чувствовать. Кайл закричал вместе с ними, потому что не мог вынести этого звука. Не мог вынести, что даже смерть не защитила их от этой проклятой магии.

— Оставь! — кричал он. — Оставь, тварь! Оставь их!

Торвок продолжал читать. Ком плоти в центре формации раскрылся. Не разорвался — именно раскрылся, как глаз. Но внутри был не зрачок — там чернела пустота, глубокая и вязкая, будто кто-то вырезал из мира кусок и оставил дыру. *Портал. Кровавый портал.*

Края его пульсировали. По ним пробежали алые жилы. Изнутри тянуло кровью и чем-то ещё — запахом старых костей, сырого камня и долгой, безнадежной тьмы. Кайл почувствовал, как сознание начинает уходить. Кровь текла из обрубка руки. Перед глазами поплыли чёрные пятна. Торвок подошёл к нему.

— Нет — прошептал Кайл.

Чернокнижник схватил его за ворот.

— Твои друзья всё-таки послужили делу, мальчик, — сказал он. — Просто не тому, которому хотели.

Кайл попытался ударить его, но рука не поднялась. Торвок потащил его к порталу. Кайл видел, как вокруг кровавой формации слабо дрожит воздух. Видел тела, которых уже не было. Видел чёрную дыру в центре, открытую ценой всего его отряда.

Они умерли зря, — последняя мысль пришла страшно и ясно.

Торвок шагнул в портал, увлекая его за собой. Мир свернулся в крик — и захлопнулся, как дверь склепа.

Глава 2

Кайл открыл глаза. Сверху был потолок из тёмно-серого грубого камня, сбоку такая же стена. *Это был сон. Просто ужасный сон.* Сердце забилось чаще, он тяжело задышал. Перед глазами всплыло лицо чернокнижника Торвока. Злость вспыхнула пожаром. Кайл сжал кулак на правой руке. В левой руке было пусто — ничего не чувствовалось. Он поднял руку. Перед глазами предстала обрубленная культя отрубленной левой руки, покрытая бинтами в засохшей крови.

— Торвок! ублюдок! — прохрипел злобно Кайл.

Из глаз выступили слёзы.

— Мэри, прости. Простите, ребята, — всхлипнув, произнёс он.

Другой рукой он закрыл глаза, тяжело сглотнул, пытаясь прийти в себя. Так он лежал ещё минут десять, прежде чем глубоко вдохнул и немного успокоился. Это место точно не было его сектой. *Но где я?* Он с трудом сел, спина сильно болела. Левое плечо, пронзённое стрелой было забинтовано. Страшным было другое — железные ржавые прутья клетки. Он был в тюрьме.

Меня утащил Торвок. Но зачем я ему? Почему он меня не убил? Может, меня принял за его подельника? И поэтому поместили сюда? — мысли роились в голове. Он сидел долго, не зная, что произошло наверняка. Из небольшого окошечка в стене падали лучи дневного света. Кайл прислушался. Тишина. Лишь где-то вдали слышались слабые шлепки капель воды. В воздухе ощущалась прохлада и небольшая сырость. *Скорее всего это какая-то пещера,* — решил он.

Настал вечер. Затем ночь. Кайл устал сидеть и лёг обратно на твёрдую деревянную лежанку, покрытую небольшим слоем соломы. Он лёг на бок и съёжился. Перед глазами была стена. Он не думал, просто смотрел в неё, боясь уснуть и пережить всё заново. Сон пришёл только перед самым утром.

Кайл проснулся от шороха. Он повернулся и увидел, как женщина в простом крестьянском сером платье через небольшое отверстие внизу пропихивала деревянную миску и кружку. Он вскочил и подбежал к прутьям.

— Где я? — задал он вопрос, стараясь не кричать.

Женщина с испугом быстро отпрянула от клетки. Он ещё раз задал вопрос. Она сложила руки крестом, мотнула головой, а затем ушла, не сказав ни слова. Кайл опустил взгляд. На полу в кружке была вода. Он присел, схватил её и стал жадно пить. Вода закончилась быстро, но этого хватило. Освежающая прохлада разлилась в животе, утолив жажду. Но тут же возникло другое чувство — страх. *А если она отравлена?* Он замер.

Нет. Если бы они хотели, то меня бы давно просто убили. Он отбросил эту идею, она определённо была ошибочной. Казалось, что он не ел несколько дней. Взяв миску, он уселся с ней на лежанку. В ней была навалена густая каша из какой-то серой крупы. Он принюхался, кроме пара ощущался лишь едва уловимый аромат мясного бульона. Кайл вздохнул, выбирать не приходилось. И с кислым лицом он взял первую ложку каши в рот. Она была совсем пресной, с какими-то мелкими кусками то ли жил, то ли кожи. Он съел где-то треть порции. Остальная каша просто не лезла.

На четвёртые сутки ночью он проснулся от дикого зуда в перевязанной культяке.

— А-а-а!!! — прокричал Кайл, не в силах терпеть ни зуд, ни несправедливость того, что с ним произошло.

Он встал, всмотрелся в небольшое окно. В ясном небе виднелись звезды и половина яркого диска луны Фаэтус. Её сестру, тёмную луну Эребус, не было видно. Кайл подошёл к клетке и снова закричал:

— Хоть кто-нибудь! Где я?! Зачем я вам?!

Слова потухли. Повисла тишина. Кайл осел на колени и зарыдал.

Утром снова пришла та же женщина. Она молча протолкнула через нижнее отверстие миску с кашей и кружку воды, как делала каждый день. Кайл не сразу потянулся к еде. Он сидел на лежанке и смотрел на неё.

— Подожди, — хрипло сказал он.

Женщина замерла. Кайл поднял правую руку, показывая, что не собирается бросаться к прутьям.

— Ты понимаешь меня?

Она после короткой паузы кивнула.

— Тогда почему молчишь?

Женщина отвела взгляд, коснулась пальцами своего горла и отрицательно мотнула головой. Кайл нахмурился. Потом понял.

— Ты немая?

Она снова кивнула. Он устало выдохнул. Значит, она не игнорировала его. Просто не могла ответить. Кайл поднял левую руку. Культя под грязными бинтами зудела и ныла так, будто под тканью копошились раскалённые иглы. Он указал на повязку, потом сделал движение, будто разматывает бинт. Затем показал на кружку с водой.

— Это нужно снять. Промыть.

Женщина побледнела и замотала головой.

— Нужно, — повторил Кайл. — Иначе начнётся гниение.

Он не знал, поняла ли она слова, но жесты поняла точно. Несколько мгновений она колебалась, потом быстро кивнула и ушла. На следующее утро она принесла не только еду. Через отверстие в клетке появились чистые бинты, небольшой тазик с горячей водой и деревянная чашка с густой жёлто-зелёной мазью. От неё ударил резкий запах спирта, горьких трав и какой-то тошнотворной пряности. Кайл поморщился.

— Лекарство?

Женщина указала на его культю, потом на чашку и кивнула.

— Спасибо, — тихо сказал он.

Она опустила глаза и поспешно ушла. Кайл долго смотрел на принесённые вещи. Потом сел на край лежанки, поставил тазик рядом и осторожно опустил край старой повязки в горячую воду. Засохшая кровь держала ткань почти как клей. Бинты отходили медленно, с влажным мерзким звуком. Каждый рывок отдавался болью в плече и спине. Кайл несколько раз останавливался, тяжело дышал, снова размачивал ткань и продолжал.

Наконец последний слой поддался. Под бинтами оказалась та же жёлто-зелёная мазь. Она засохла толстой коркой, потрескалась по краям, но под ней не было ни гноя, ни чёрной плоти. Рана выглядела страшно, но не гнила. Значит, кто-то уже лечил его. Кайл долго смотрел на культю.

Левой руки больше не было. Не во сне. Не временно. Не в кошмаре. Её не было. Он сжал зубы, но слёзы всё равно выступили на глазах. Потом он зачерпнул мазь и нанёс её на рану. Жжение ударило сразу — глубокое, злое, почти нестерпимое. Кайл застонал, но не остановился. Закончив, он неловко перемотал культю чистым бинтом. Одной рукой это получилось плохо: криво, слишком туго, с торчащими краями. Но повязка держалась.

Он откинулся к стене и закрыл глаза. Он не знал, где находится. Не знал, кто держит его в клетке. Не знал, почему его не убили. Но теперь он понял одно. Кто-то здесь не хотел, чтобы он умер.

Прошёл месяц.

Каждое утро та же самая женщина, та же самая каша. *Кажется, скоро от неё меня начнёт тошнить*, — подумал Кайл. Он чувствовал, что худеет. Порция этой мерзкой еды хоть и была немаленькой, но определённо недостаточной, чтобы прокормить взрослого человека.

Почти всё время он занимался медитацией. В этом месте белой маны было намного меньше, чем в его секте. Он ощущал, что её тёмный аспект немного преобладал. Это место было лучше для культивации тёмных магов. Но концентрация маны была, в целом, в пределах обычной природной нормы. Поэтому Кайл отбросил мысль, что это может что-то значить и сконцентрировался на медитации.

Он осторожно перемещал ману из ядра маны в каналы и дальше по кругу. Тёплая энергия текла по телу, возвращалась обратно и делала ядро чуть больше, чуть тяжелее, чуть сильнее. Процесс шёл медленно, почти незаметно, но остановить его было невозможно. Даже без медитации ядро продолжало впитывать ману извне и расти. Тренировки лишь ускоряли этот рост. Учитель Фэнг говорил, что в секте Кайлу понадобилось бы около трёх лет усердных тренировок, прежде чем ему потребовалось бы четвёртое кольцо сдерживания. Здесь же ситуация была иной. *Восемь лет, а может, и десять лет.*

Кайл вздрогнул. Он только что посчитал это так спокойно, будто действительно собирался провести здесь десять лет. *Нет. Секта меня точно ищет. И учитель Фэнг. Он тоже.*

Прошло четыре месяца.

Кайл сидел на лежанке, прислонившись спиной к стене. Он провёл рукой по своим чёрным волосам. Они стали длиннее, спутались и, казалось, уже начали слипаться от грязи и жира. Одежда пропахла потом, сыростью и затхлой соломой. Сам он почти не чувствовал этого запаха — привык. Но точно знал, что воняет.

Он вдруг вспомнил слова матери: *«Сын, мойся почаще, а то никогда не женишься»*. Кайл горько усмехнулся. Перед глазами всплыло её лицо. Потом отец. Старший брат. Сестра. Их дом. Двор. Чистая одежда. Горячая вода. Жизнь в секте, которая теперь казалась чем-то нереальным, почти чужим.

Несколько раз он пытался жестами попросить женщину принести ему полотенце или хотя бы тряпку, чтобы обтереться, но ничего не получил. Поэтому он использовал старые бинты после перевязок. Культия и плечо почти зажили, но кожа под повязками всё ещё зудела и тянула.

Солнце уже клонилось к закату, когда в коридоре раздались шаги. Кайл вздрогнул. Это были не шаги женщины. Тяжелее. Увереннее. Медленнее. Он напрягся всем телом. За четыре месяца никто, кроме немой служанки, сюда не приходил.

В проходе показался человек в бордовом шёлковом халате. Он приблизился к клетке и остановился перед прутьями. Седые волосы были аккуратно подстрижены и поблёскивали в косых лучах заката. Пожилое лицо выглядело строгим, но почти приятным. Чистая кожа. Спокойный взгляд.

Кайл не сразу узнал его. А потом сердце дрогнуло. *Торвок*. Не тот истекающий кровью старик в рваном чёрном балахоне, которого он видел на склоне. Не чудовище с опухшим глазом и обрубленной рукой. Перед ним стоял ухоженный пожилой мужчина, почти благородный на вид. А вместо обрубка у него была уже целая рука.

— Это ты? — прохрипел Кайл.

Голос сорвался. Всё тело задрожало — от злости, страха и такого жгучего отвращения, что захотелось броситься на прутья зубами. Торвок слегка поморщился.

— М-да. Пахнешь ты отвратительно.

Кайл скривился и сложил трясущейся рукой печать, направив в него клинок ветра. Он знал, что это бесполезно, он уже пробовал. Прутья засветились символами и заклинание рассыпалось искрами.

— Ха-ха — засмеялся Торвок.

Кайл вскочил. Его глаза пылали яростью. Он подбежал и вцепился правой рукой в ржавые прутья.

— Ублюдок

— И это представитель белой секты? — Торвок окинул его насмешливым взглядом.

— Грязный, худой, вонючий. И к тому же с ненавистью в сердце. Совсем не похож на сияющего защитника праведного пути.

Кайл дёрнулся вперёд, пытаясь достать рукой до лица врага.

— Я убью тебя!

Торвок даже не отступил.

— Одной рукой? Из клетки? Смело. Глупо, но смело.

— Ты убил их! Ты использовал их тела, тварь!

Лицо Торвока осталось спокойным.

— Да.

Простой ответ оказался хуже издёвки. Кайл замер.

— Да?! Это всё, что ты скажешь?!

— А что ты хочешь услышать? Извинения?

Кайл задыхался часто и рвано. В груди что-то сжималось, горячее и болезненное. Перед глазами вспыхивали обрывки: кровь на горле Мэри, чёрная стрела в спине Райта, мясо, ползушее к центру ритуальной звезды.

— Я сдохну, но доберусь до тебя, — прошептал он.

Торвок посмотрел на него внимательнее. В его глазах мелькнуло что-то похожее на интерес.

— Хорошо. Буду ждать с нетерпением.

Кайл оскалился.

— Пошёл к чёрту.

Торвок усмехнулся.

— А не хочешь стать моим учеником?

На мгновение Кайл просто не понял слов. Потом его лицо исказилось.

— Что?

— У тебя есть талант. Упрямство тоже есть. Ненависти теперь хоть отбавляй. Из таких иногда выходят неплохие маги.

Кайл рассмеялся коротко, хрипло, почти безумно.

— Я лучше сдохну.

Торвок отвернулся, словно разговор ему уже надоел. Он сделал несколько шагов к выходу, потом остановился и слегка повернул голову.

— Я запросил за тебя выкуп.

Кайл застыл. Торвок улыбнулся краем губ.

— Посмотрим, сколько стоит верный ученик праведного пути.

После этих слов он ушёл. Шаги удалились. Коридор снова погрузился в тишину. Кайл ещё долго стоял у прутьев, дрожа всем телом. *Выкуп. Значит, секта узнает, где я.* Он должен был почувствовать облегчение. Но почему-то в груди стало только тяжелее.

Кайл сделал очередную засечку на стене небольшим камнем. *Триста шестьдесят пять. Цельный год. Прошёл целый год. Почему? Никто не пришёл. Никто не спас. Ни секта. Ни учитель. Почему?* Ноги подогнулись. Он осел на колени, по щекам текли слёзы.

За этот год он изменился. Сильно. Чёрные волосы отросли почти до плеч, сбились в тяжёлые грязные пряди и слипались от жира. На лице выросла густая борода, такая же чёрная, неопрятная, доходящая почти до груди. Карие глаза впали глубже, под ними залегли тём-

ные круги. Щёки осунулись. На старой одежде появились дыры, ткань истончилась, местами порвалась и пропиталась запахом пота, сырости и каменной пыли.

Он больше не был похож на талантливого ученика белой секты. Скорее он походил на нищего безумца. Раздался знакомый шорох. Кайл медленно повернул голову. *Опять каша.* Он уже хотел отвернуться, но вдруг застыл. В миске что-то белело. *Кости. Настоящие кости.* Не просто серая крупа, а кости, на которых ещё оставались волокна мяса и хрящи.

Глаза Кайла вспыхнули жалким, почти детским счастьем. Он торопливо поднялся, чуть не споткнулся о собственные ноги и бросился к миске. Правая рука дрожала, когда он схватил её с пола. Их он получал очень редко.

Потом он поднял взгляд на женщину. Она стояла за прутьями, как всегда молчаливая, в своём сером платье. На лице её было что-то похожее на осторожную улыбку. Кайл кивнул ей. Не гордо. Просто благодарно. Женщина улыбнулась чуть заметнее и ушла.

Кайл не стал ждать. Он сел прямо на пол, поставил миску между коленями и вытащил первую кость. Она была тёплой, скользкой от жира и каши. На ней почти не осталось мяса, но для него это казалось пиром. Он впился в неё зубами.

Сначала он пытался есть медленно. Потом не выдержал. Начал грызть жадно, торопливо, срывая остатки мяса, высасывая солёный сок, обкусывая хрящи. Зубы скребли по кости. Он морщился, но не останавливался.

Ему было стыдно. Где-то глубоко внутри ещё оставался Кайл, который помнил чистый зал трапезы, белые одежды, наставления о сдержанности и достоинстве. Но то было в прошлом. Сейчас он был тем, кто сидел на каменном полу клетки, грыз кость так, будто от неё зависела его жизнь. Слёзы всё ещё текли по его лицу. Но теперь он плакал не только от отчаяния. Он плакал от унижительного счастья.

Спустя пять лет Кайл почти отчаялся.

Он сидел на своей деревянной лежанке, поджав ноги под себя, и смотрел в стену. Не на засечки. Их давно стало слишком много, и считать каждую по отдельности он перестал. Теперь он отмечал только недели. Иногда просто царапал камень, чтобы убедиться, что ещё способен что-то делать.

Его тело изменилось. Чёрные волосы свисали грязными прядями. Борода стала длинной, спутанной, местами сбивалась в жёсткие комья. Лицо сильно осунулось, кожа потемнела от грязи и сырости, карие глаза глубоко западали. Плечи стали уже. Рёбра проступали под старыми лохмотьями, которые когда-то были одеждой. Он был ещё молод, но в тусклом свете своей клетки казался стариком.

Женщина тоже состарилась. Не сильно. Чуть заметно. У глаз появились новые морщины, походка стала медленнее. Но всё оставалось прежним. Та же женщина. Та же миска. Та же серая каша. И больше ничего и никого.

Кайл медленно закрыл глаза и погрузился в медитацию. Это было единственное, что у него осталось. Он осторожно повёл ману по каналам. Энергия текла медленно, лениво, словно сама устала от этих каменных стен. Ядро в груди откликнулось знакомой мощью, которую негде было использовать.

Ядро маны росло. Понемногу. День за днём. Год за годом. Раньше эта мысль радовала бы его. Рост ядра означал силу. Будущее. Следующий шаг. Ещё один виток пути мага. Теперь это был приговор.

Кайл знал, что не сможет создать четвёртое кольцо сам. Почти все маги, доходя до такого предела, прибегали к помощи мастеров на уровень выше. Старший маг направлял ману, удерживал давление ядра и помогал сформировать новое кольцо сдерживания. Без такой помощи переполненное плотной маной ядро просто бы треснуло и разорвало мага изнутри.

Бывали очень редкие исключения, когда талант, любимец небес мог создать четвёртое кольцо в месте силы, где мана была плотной, чистой и подчинялась воле почти как живая. Но это место не было местом силы. Это была клетка, сырая, холодная, бедная маной клетка, где воздух пах плесенью, ржавчиной и зловониями из небольшого толчка в углу.

Кайл мог остановиться. Перестать медитировать. Не ускорять рост ядра. Просто сидеть, есть, спать, дышать и ждать. Так он, возможно, выиграл бы ещё десять лет, может, двадцать — долгие годы медленного существования, пока ядро само не приблизится к пределу. Но от одной мысли об этом ему становилось страшно. Не из-за смерти. Из-за жизни, в которой осталось лишь клетка, каша, кошмары и собственные мысли.

Кайл открыл глаза. Он понял это давно, но только сейчас позволил себе признать. Он медитировал не ради силы, не ради будущего. Он медитировал, потому что иначе окончательно сошёл бы с ума.

Прошло девять лет.

Кайл уже не считал дни. Даже месяцы почти потеряли смысл. На стене было столько засечек, что они сливались в одну серую монотонную пелену перед глазами. Иногда он смотрел на них и не мог поверить, что начертил всё это сам. Каждая черта — день, черта чуть длиннее — это недели. Он думал, что стоило бы перейти просто к тому, чтобы отмечать месяцы. Но в этом уже не было смысла.

Ядро маны в груди стало слишком тяжёлым. Оно больше не просто росло. Оно давило изнутри, словно в его груди лежал раскалённый камень, который с каждым днём становился плотнее. Раньше Кайл мог направлять ману спокойно, осторожно, по привычным каналам. Теперь мана иногда вырывалась сама, мощно, рвано.

Внезапно тело пронзила острая боль. Кайл согнулся, схватившись правой рукой за грудь. Мана хлынула из ядра грубым обжигающим потоком. Каналы маны не выдержали. Что-то внутри будто надорвалось. Он закашлялся. На ладони появилась кровь. Кайл смотрел на неё несколько мгновений. Потом горько усмехнулся.

— Значит, скоро, — сказал он тихо и хрипло.

Утром женщина принесла кашу. Как всегда. Та же миска. Та же кружка воды. Но в этот раз, когда она увидела кровь на полу и тёмные пятна на его губах, её лицо изменилось. Она застыла у клетки. Кайл поднял на неё усталый взгляд. Она поставила миску, потом резко развернулась и почти побежала прочь. Кайл проводил её взглядом. За все эти годы она ни разу не спешила так сильно. Он понял почему только к обеду.

В коридоре раздали шаги. Кайл открыл глаза. Торвок остановился перед клеткой в том же спокойном виде, будто с их последней встречи прошёл не почти десяток лет, а несколько дней: такая же бордовая одежда, аккуратно подстриженные седые волосы, спокойный взгляд. Показалось, лишь в его глазах было больше усталого любопытства.

— Ядро дошло до предела? — спросил он.

Кайл усмехнулся, но ничего не ответил. Торвок некоторое время рассматривал его. Не с жалостью, скорее как мастер смотрит на треснувший, но всё ещё ценный инструмент.

— Ты обдумал моё предложение? — спросил Торвок.

Кайл нахмурился.

— Какое?

На губах Торвока появилась слабая улыбка.

— Стать моим учеником.

Кайл смотрел на него несколько секунд, потом хрипло рассмеялся. Смех быстро перешёл в кашель. Он согнулся, сплюнул кровь на каменный пол и вытер губы тыльной стороной ладони.

— Ты серьёзно?

— Вполне.

— После девяти лет ты пришёл спросить это?

Кайл медленно поднялся с лежанки. Ноги дрожали, но он заставил себя стоять.

— Я уже отвечал.

Торвок чуть наклонил голову.

— Но теперь смерть подошла ближе. Иногда это делает людей разумнее.

Кайл сжал кулак и выкрикнул, что есть сил.

— Я не стану твоим учеником!

— Тогда твоё ядро разорвёт тебя. Не сегодня. Но скоро.

Слова были произнесены спокойно, почти буднично. От этого они звучали страшнее.

Кайл знал, что Торвок не лжёт. С каждым днём ему становилось хуже.

— Я помогу тебе создать четвёртое кольцо, — сказал Торвок. — Тёмное кольцо.

Кайл замер. Тёмное кольцо. Само сочетание слов вызвало отвращение, будто кто-то предложил ему впустить грязь прямо в ядро. Он слышал, что белый маг может создать тёмное кольцо, но тогда изменится навсегда. Надо будет подпитывать это кольцо тёмной маной, которая постепенно вытеснит белую ману из других колец, а затем и из ядра. И он станет тем, против которых его учили бороться — тёмным магом. Навсегда.

— Нет.

— Ты даже не дослушал.

Торвок подошёл ближе к прутьям.

— Один ты не справишься. Секта Белых Облаков не пришла. Учитель Фэнг не пришёл. Твои старейшины не пришли. А ядро ждать не будет.

— Заткнись, — прохрипел Кайл.

— Я помогу сформировать кольцо. Оно удержит ядро. Ты выживешь.

— И стану твоей собакой?

Торвок улыбнулся. Кайл понял всё сам. Такое кольцо не будет его собственным в полном смысле. Если Торвок проведёт ману, если он вpletёт в кольцо свой тёмный отпечаток, то сможет снять его в любой момент, по своему желанию. И тогда ядро взорвётся. Его жизнь окажется на поводке у Торвока.

— И зачем мне это делать? — спросил Кайл, посмотрев ему в глаза.

Торвок ответил не сразу.

— В будущем, конечно, если сможешь, то создашь магическое тело и снимаешь кольца, — наконец сказал он. — Станешь сильнее. Намного сильнее. И, возможно, когда-нибудь сможешь отомстить мне.

Эти слова были хуже угрозы. Потому что часть его захотела поверить. Торвок продолжил:

— А умереть ты сможешь в любой момент и с новым кольцом. Для этого тебе потребуется просто желание и воля.

Значит, не простить, не принять, не склониться. Нет. Выжить. Стать сильнее, создать магическое тело, выбраться из клетки и однажды вонзить клинок ему в горло. В глазах Кайла что-то блеснуло, и Торвок это увидел.

— Теперь ты услышал меня.

Кайл отвернулся.

— Уходи.

— Подумай до завтра, — сказал Торвок, развернулся и ушёл.

Вечером женщина принесла ему тарелку с супом и хлеб. *Хлеб.* Кайл даже не сразу поверил увиденному. Он жадно накинулся на еду. Но это было не всё. Она принесла ему тазик с водой, полотенце, чистый белый халат, ножницы и даже мыло. Кайл осторожно подошёл, взял их. Он понюхал полотенце, чистое, белое, мягкое — обнял его и заплакал.

Сердце стучало под рёбрами. Не из-за веры или надежды. А из-за этого проклятого мягкого полотенца, которое пахло чистотой.

Глава 3

Лучи закатного солнца били через маленькое окно в камеру. Кайл торопился. Используя культю, он слегка приподнял бороду. На миг взгляд задержался на спутанных чёрных прядях. Потом ножницы сомкнулись. Борода упала на каменный пол, следом — волосы, прядь за прядью. Орудовать ножницами одной рукой было неудобно, но Кайл упорно продолжал, пока у ног не собралась тёмная куча. Туда же он бросил обрывки старой, истлевшей одежды.

Кайл стоял обнажённый посреди камеры. Казалось, он сбросил кожу, как змея. Но это был только первый слой. Он стал протирать тело влажным полотенцем с мылом. Вода в тазике вскоре стала чёрной, липкой. Но большую часть застарелой грязи удалось смыть. Чуть обсохнув, Кайл надел чистый белый халат. И просто стоял в нём ещё какое-то время, будто боясь его замарать.

Он глубоко вдохнул. *Мне уже 33 года. И к чему я пришёл?* Он выдохнул и лёг на твёрдую деревянную лежанку с соломой, которая была с ним все эти 9 лет. *Стать учеником Торвока?* — тяжёлый вопрос мучил его весь день. *Ученик служит, верит, принимает путь учителя. Но я не такой. Я не предаю память своих товарищей, не предаю секту. Я просто воспользуюсь им. Выживу. Дождусь случая. И убью. Так будет правильно.* Кайл улыбнулся и заснул.

Утром к его обычному рациону женщина дополнительно просунула ещё яблоко. Она поклонилась, что прежде никогда не делала, и ушла. *Хочешь подкупить меня своими подачками?* — произнёс про себя он и всё же взял яблоко. *Я подыграю тебе.* Он уже хотел откусить яблоко, как в груди возникла резкая боль. Кашель с кровью вырвался изо рта, глубокий, надрывной. Прокашлявшись, Кайл протёр яблоко, на которое попала липкая кровавая слизь, и жадно съел его.

Где-то через час появился и Торвок.

— Обдумал моё предложение? — спросил он обыденным тоном.

— У меня есть условие, — ответил уверенно Кайл.

Небольшое удивление показалось на лице чернокнижника.

— Какое?

— Я не буду вредить секте Белых Облаков.

— Хорошо. Я не буду приказывать тебе такого, — ответил Торвок легко, быстро.

Он согласился слишком просто. Кайл нахмурился.

— Что-то ещё?

— Я не буду участвовать в делах против праведных сект.

Тут Торвок уже засмеялся.

— Ты же должен понимать, что мы постоянно сталкиваемся с белыми сектами. Я могу пообещать только одно: я не буду приказывать тебе убивать белых магов без необходимости.

И как часто будет эта необходимость? Кайл сжал губы и кивнул. Он боялся, что Торвок просто уйдёт, что это просто его злая шутка. Торвок достал серебряный ключ, вставил его в замочную скважину. Щелчок. Сердце Кайла дрогнуло. Дверь решётки распахнулась.

— Пошли, — сказал Торвок и зашагал к выходу.

Кайл не сразу понял слова, потом быстро встал и заковылял, с трудом пытаясь его догнать. Минут пять они шли по коридору, высеченному в камне. Потом показался свет. Они вышли. Яркое солнце ударило в глаза. Кайл прикрылся ладошкой и стал испуганно оглядывать окрестности, боясь что это сон. Перед ним была небольшая поляна с густой травой, за которой возвышался густой лес. Лёгкий ветер трепетал листву.

— Что встал столбом? — уже в отдалении проворчал Торвок.

Они спустились по небольшой тропинке вниз. Там была дорога и чёрная карета, запряжённая четвёркой лошадей.

Сначала Кайл думал, что Торвок жил где-то рядом, возможно, просто в пещере получше, как отшельник. Но теперь они уже ехали. Где-то через 20 минут карета выехала на большую открытую дорогу, потом показались поля. В его секте старейшины использовали техники полёта, поэтому Кайл немного был удивлён поездкой в карете. *Может быть, у Торвока нет артефакта полёта для двоих?* — предположил он, рассматривая с интересом проносившиеся за окном картины.

Приблизительно через час они въехали в небольшой городок. Колёса кареты застучали по мощёной дороге. На площади лавочники торговали продуктами, дети бегали друг за другом, старик на осле вёз какие-то мешки. Город жил своей жизнью.

Карета проехала по небольшому мосту и въехала в массивные тёмно-бордовые ворота. Кайл нахмурился. Здания из белого камня и остроконечными крышами из черепицы возвышались на улицах. Деревья росли по бокам. Всё было чисто и ухожено. Чуть вдаль на площади тренировалась большая группа людей в бордовых одеждах. Они синхронно отработывали удары.

— Где мы? — первый раз за дорогу спросил Кайл.

— Спрашивай: учитель, где мы. Или тебя не научили хорошим манерам? — пробурчал Торвок, выказывая недовольство.

Лицо Кайла исказилось.

— Учитель, где мы? — всё же выдавил он.

— В секте Три Топора.

Сначала Кайл решил, что ослышался. *Три Топора*. Даже в его родной секте это имя произносили без презрения и с осторожностью. Это была одна из сильнейших сект на полуострове Халин. Он думал, что продал себя одному чудовищу. Оказалось — целому гнезду. Сначала он испугался, что отомстить Торвоку здесь будет слишком сложно. А потом, среди испуга пробились мысль, тонкая, почти спасительная. Если он оказался в гнезде врага, значит, сможет увидеть то, чего никогда бы не увидели. А увиденное можно передать. Можно обратить это против Торвока. Можно снова стать полезным для праведного пути.

Карета свернула и стала подниматься по извилистому горному серпантину. Через полчаса она остановилась перед усадьбой с высоким домом из серого камня, который прижимался к скале. Строгие здания из тёмного дерева с загнутыми вверх крышами, покрытыми черепицей, стояли по бокам. Несколько внутренних дворики были за круглыми лунными арками. Над воротами висел знак трёх скрещённых топоров. Не грубо вырезанный, не варварский, как Кайл почему-то представлял себе символы тёмных сект, а аккуратный, отполированный, почти благородный.

Он вышел из кареты и на мгновение замер, уставившись на символ. Говорили, что тремя старейшинами секты были маги на вершине магического тела. А ещё ходил слух, будто однажды, применив совместную технику, они сумели убить белого мага четвёртого уровня. Кайл не знал, правда это или нет. Но теперь он был здесь.

Кайл поднял взгляд на дом. Значит, Торвок жил не в пещере, не в логове, заваленном костями и окровавленными артефактами, а в богатом доме, среди слуг, садовых дорожек и белого камня. Не так он представлял жилище чернокнижника.

— Идём, — сказал Торвок, зашагав в сторону дома по каменной дорожке.

Кайл поспешил за ним. Ноги слегка дрожали от слабости. О себе давало знать долгое заточение, плохое питание и отсутствие нормального движения. Перед домом несколько слуг подметали дорожки, выносили воду, протирали каменные перила. Всё было чисто. После девяти лет заточения, ржавых прутьев, вонючей соломы и серой каши эта ухоженность казалась почти издевательством.

У входа их встретила молодая девушка в простом голубом платье. Она низко поклонилась Торвоку, затем Кайлу. На один удар сердца мир исчез. *Мэри?*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.